

КИРСЕМЁНОВ
ПИТРА

16+

Кир Семенов

Митра

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Семенов К.

Митра / К. Семенов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Версуман - пространство символов и идей, где реальность зависит от философии и видения того, кто его читает. В этом бескрайнем пространстве обитают последователи архаичного бога митры, верные рыцари и поэты. Однажды, в роковой час, они встречаются с культурой агрессивных людоедов, имеющих совершенно иную философию бытия. Фатальная цепь событий приводит к неожиданному развитию конфликта, обращая бытие в подобие религиозной притчи. Но где же скрыта правда?

© Семенов К., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

О Версуман... Величайшее пространство символов. Обманчивая сущность, в которой сосредоточено все бытие в виде отдельных фраз, букв, и целых текстов на языках прошлого, настоящего, и быть может даже будущего. Он существует там, где есть, кому прочесть его, и реальность читающего строго зависит от возможности прочитать, впиться разумом в версуман и заставить его стать реальностью вокруг, либо стать реальностью для кого-то. Великой силой наделены в нем слова и символы. Читаемое на разных языках обретает здесь вид наиболее близкий к философии читающего.

В пламени войны это столкновение понятий, искажающее малые пространства, и лишь влияющее на большие. Слабая воля и примитивный язык не лучший друг для живущего в уединении где-то на просторах версумана. Его реальность может быть легко искажена сильными и сложными словами.

Впрочем, в мирных местах языки сплетаются в калейдоскоп чудесных преобразований. Люди способны совместно читать из версумана миры поражающие воображение своей сложностью и красотой! Но, к сожалению, беспокойная человеческая природа обладает неистребимой, порочной страстью к борьбе...

Чудесный храм Митры расположился где-то в версумане. Его уходящая ввысь Священная Башня, спиралью пронзала небеса, а цитадель из святого белого камня была широка и неприступна. Версуман неспособен был поглотить реальность этого окруженного белыми кирпичными стенами места, и люди здравствовали здесь, возводя милейшие каменные дома с угловатыми соломенными крышами, разводя фруктовые сады и цветущие огородики.

На многие тексты вокруг храма Митры не было ничего кроме редких общин митраитов, проводивших свои дни в выращивании чая, медитации, или воинских упражнениях. Бороздя версуман, воины-митраиты не встречали иных противников кроме злобных фантасмагорических существ и собственных теней воплощенных обманчивой реальностью версумана. Бывали иногда лишь стычки с редкими преступниками среди своих, но они быстро заканчивались. Близость душ людей объединенных пониманием Митры, не располагала к взаимной ненависти.

В полдень митраиты оставляли свои дела и шли на молитву. Молитвы их были благим словом, вызывающим к тишине. Они были похожи на шелест травы и цветов в бескрайнем поле. Их молитва освобождала душу и разум, позволяя обновленному человеку вновь браться за труды свои так, словно бы он как следует отдохнул.

Воинские упражнения их был суровыми, ведь приходилось часто сражаться с самим собой на просторах версумана. Они оттачивали искусство сражения с мечем и щитом, а так же получали глубокую психическую подготовку.

Далеко не все митраиты были воинами. По натуре своей они были скорее поэтами лишь грезящими о войне, но предпочитающими жить в мире. Собранный вовремя чай был для них дороже пролитой крови.

Так и проводили они свои дни, во сне наяву, в четком балансе между потом и кровью ежедневного быта, и расслаблением и счастьем молитвы и медитации.

Неизвестно было, откуда пришли каннибалы, говорившие на языке Тумёган Годжон. Они появлялись большими группами, на кораблях, под ужасный вопль поднятых на них омнипарусов, разоряли общину, поедали людей, и исчезали как жуткие призраки, оставляя после себя только искаженную Тумёган Годжоном реальность, и болезненную пустоту. Так воины Митры впервые встретили кого-то, кто был похож на них, но отличался достаточно, чтобы первый раз породить Страх.

Разглядывая чуждые, но смутно знакомые символы годжона, митраиты, говорящие на Коччи Хабчане не могли придти к Пониманию, хоть и научились обращать оставшиеся в версумане слова яростного как молния годжона в спокойный как сон орхидей – хабчан. И версуман вокруг храма Митры, впервые за века стал тревожным.

Жизнь в версумане – череда взглядов в черные окна. В мир идей и символов вселенского текста, на языках происходящих равно из совершенства простых форм и сложной грязи созданной текучей плоскостью бытия. Разум это дверной молоток. Глаза – ключ. Рот, язык, и рождаемая разумом мысль – способ изменять реальность, находится в ней, быть с ней единым или порознь.

По заветам Митры – череда взглядов в черные окна порождает удивительный способ жизни внутри текучей плоскости бытия. Сосуществование в мире Идей.

Идея – единственный способ приведения хаоса к порядку.

Этому учит истинный язык Митры – Коччи Хабчан. И так читается реальность вокруг. Сейчас, тонкими, многочисленными линиями то взвивающимися вверх мириадами голосов, то ниспадающими вниз оглушительной тишиной, пишется символами хабчана жизнь рыцаря Хван Самнанга, начинающего свой путь в Цветочной Крипте храма Митры, осаждаемого самой чудовищной ордой каннибалов Тумёган Годжон, появившихся на ставшем легендой Шепчущем флоте, буквально из ниоткуда.

Хван Самнанг сколько себя помнил, был верным рыцарем Митры, и собственным телом защищал каждое слово в храме, и каждого человека, в каждой деревне, что вычитали себе кусочек реальности из версумана. И в это трудное время, когда Тумёган Годжон кровожадно искажал реальность белокаменной цитадели Митры, долг звал его с утроенной силой.

Он облачался в траурные одежды под пение многих десятков голосов, что в разных уголках храма создавали его реальность слово, за словом читая её из версумана.

Его сильное, но довольно сухое, белокожее тело походило на гротескный образ мощной, длинноногой гиены, и притом было достаточно грациозным.

Траурные одежды белых и синих цветов казались лепестками тюльпана, обернутыми вокруг его тела на манер туники, а широкий бархатный пояс был украшен цветком альстремории. Короткие черные волосы покрывала коническая, круглая, широкополая соломенная шляпа нонбайтхан. Её лакированная поверхность была по кругу проклеена полосками кожи, испещренными плачами-призывами на хабчане. Нонбайтхан разумеется, была важной частью ритуального облачения воина Митры, частично скрывавшей глаза от позорной жажды убийства. Даже сейчас Хван Самнанг, до конца соблюдал, кажущиеся в этот день чужими заветы Митры.

Оруженосцы Цветочной Крипты одели на Самнанга иссиня-черный чешуйчатый доспех из металла, чье название есть лишь в языках гневных проклятий. Каждая ромбическая чешуйка этого доспеха, отражала солнечный свет как маслянистая черная лужа, внушая суевежных страх тем, кто не знал о природе этого металла. Так же, оруженосцы вложили в его руки такого же металла прямой меч, и круглый щит, украшенный лишь выгравированными растительными орнаментами.

Стены крипты покрывала рябь, и из векового камня выступили жилы, что лопались и кровоточили. Рыцари-каннибалы языка Тумёган Годжон шли вслед за волной своей кровавой жажды и пиршествовали всюду, где их Идея брала верх.

Чтецы стонали, и решительно читали хабчан, отыскивая его в кровавой ряби и останавливая изменение реальности цитадели. Слова годжона вторгались в слова хабчана, и цветущее многоликое мироздание обращалось частоколом костей, уходящим в кровавое небо. На острых осколках взрывались пузыри человеческой крови. Такое извращение не было угодно Митре. Слабые духом митраиты, терявшие волю, и оттого попадавшие в реальность захватчиков, поедали друг друга, запивая кровоточащее мясо, священным чаем из хризантем и гибискусов.

Дома из белого камня, в которых жили обитатели храма, искажались уродливыми полукруглыми барельефами, от одних взглядов на которые, стыла кровь.

Хван Самнанг лишь слышал все ужасы сквозь стены цветочной крипты, и ярость пополам с горечью обуревали его.

Его неширокие, миндалевидные глаза насыщенного оранжевого цвета сузились в гневе, обратив тонкие черты молодого лица, нос с горбинкой, и сухие пухлые губы в пугающую маску, поспешившую скрыться за полами нонбайтхан.

Хван Самнанг крепко сжал ониковую рукоять своего меча, и призвав оруженосцев защищать крипту, решительно шагнул на лестницу, ведущую к главному залу и алтарю.

Картина, что открылась ему, была кошмарнее любого сна. Всюду были изъеденные и изломанные тела, как каннибалов, так и митраитов. Стены храма более не являлись ими, поскольку идея священной стены из белого кирпича была искажена годжоном в дурно пахнущие струпья и человеческие лица без кожи и глаз. Митраиты силились шептать хабчан, запивая цветочным чаем не лезущее более в глотку человеческое мясо, но голод годжона брал верх. Орды каннибалов шли по улицам, то тут, то там хватая обезумевших людей, разрезая их и раздирая, чтобы насытиться, пока умиравшие пытались сотворить то же друг с другом. Хван Самнанг взмахнул мечом и произнёс слова, что были Идеей – грубой, неоформленной, но решительной. Чистый хабчан наделенный смыслом от рыцаря Хван Самнанга расцвел на костях буйным цветом белого лотоса, бутоны которого пели тысячей голосов, заставляя окровавленные струпья стен усыхать, растворятся и вновь становится благородным белым кирпичом. Мощное и чистое слово Коччи Хабчана, произнесенное человеком с достоинством, вернуло улочки храма Митры, ведущие к белокаменной цитадели, к более привычной и мирной реальности. Над алтарем Митры разлилась чудесная песнь, и яркий свет давно не существующего солнца осветил мрачную картину, заставляя митраитов приходить в себя, чувствовать скорбь и наконец, браться за оружие. Битва кипела по всей территории храма, от Белых Врат, до цитадели. Низенький, рыжий, с веснушками Ванна Йунг, розовощекий и с вечно кривой усмешкой застывшей на лице, вместе с ополчением удерживал внутренний двор, весь его задор и солнечный лик служили щитом этому месту. Голубоглазый гигант Колаб Ханьюл, с грубым лицом, словно выточенным из молочного опала, но черными, как смоль волосами, в одиночку бился на Священной Башне, поражая огромным мечем прорывающихся со всех сторон врагов. Раненных защищал тощий, и с детства седой простак Сом Нгуен, бившийся так рьяно, что мог посоперничать в жестокости с тумёган годжон. Его добродушное лицо сияло бесконечной глупой улыбкой даже тогда, когда он с силой вынимал меч из тела каннибала, вызывая фонтаны крови обдававшие всех вокруг.

Каннибалам не было числа. Там где умирал один, в следующую секунду появлялось десять вражеских рыцарей. Они не стеснясь жрали трупы прямо на поле боя, и лающий громopodobный годжон сопровождал их голод в виде выкриков, каких-то призывов и боевых кличей.

Еще живых людей, kloкочущих вскрытыми глотками, утаскивали в угол и быстро пожирали. Вскоре каннибалы Тумёган Годжон заполнили все улицы и закоулки храма Митры.

В итоге, за спиной Хван Самнанга образовалась лишь горстка воителей, что едва ли могла противостоять превосходящим силам каннибалов, однако их роль в Идее сосуществования была выполнена. Они познали годжон и обратили его в хабчан насыщая пространство теми словами, что между строк читались в годжоне но не были противны сущности Митры.

Кости обратились в причудливые костяные цветы, а человеческое мясо ритуальным яством.

Оскверненный храм обретал свою первоначальную чистоту, ибо даже кровь собиралась в рубиновые ручьи, чтобы питать скорбные цветы из костей. Сосуществование что должно было обратить каннибалов к Митре, должно было быть достигнуто. Эта мысль придавала митраитам сил.

Измененная хабчаном речь была похожа на годжон но рыцари-каннибалы не восприняли её сущность и подняли мечи на горстку воинов, молчаливой ордой двинувшись на скудные ряды защитников. Зазвучали голоса, и та действительность, что мы познаем посредством

туманного, отвлеченного восприятия прорвалась, растаяла. Стал слышен голос Хван Самнанга.

– Поднять щиты! Слово за нами!

Митраиты решительно двинулись строем на безумствующих каннибалов, что с животным воплем, остужающим кровь, бросились прямо на щиты и мечи наступающих.

Буря лепестков встретила с кровавым фонтаном и с обеих сторон несколько человек упали поверженные, хватаясь за отсеченные части тел и кровавые раны. Тела мертвых митраитов прорастали альстромериями, а рыцари-каннибалы оставались гнить, источая сладкий аромат человеческой плоти, что смешивался с запахом цветов. Вселенский вихрь забвения, кружащий в водовороте красоты и плоти, описываемой в терминах не подвластных сознательному пониманию, но описуемых посредством символов и идей годжона и хабчана, порочных братьев разведенных по разные стороны темной воды.

Удары клинков о щиты выбивали снопы искр, которые оседали над бойцами красным дождём окалины. Мечи каннибалов разрывали плоть, отыскивая её под доспехами. Мечи митраитов милосердно пронзали сердца. То и дело падали тела, рубка была нескончаемой.

Рыцари-каннибалы быстро теснили митраитов к крипте. Кто был моложе, видя за спиной приближающиеся врата святилища, не исполнялись мужества, но наоборот теряли самообладание, и оказывались повержены. Хабчан медленно обретал зловещие черты годжона. Рубиновые реки дурно пахли, а костяные цветы разверзли пасти, впиваясь в истекающий кровью белый камень, медленно разрушающийся и обнажающий никем не читаемый версуман, без идей, холодный.

Годжон обнажал натуру людей, их жажду выживания, и вот уже рыцари-каннибалы приступали к очередному пиршеству, словно питая безумный окружающий эрос своей страстью к поглощению плоти.

В проломы стен прибывали новые враги. Священная Башня рушилась, заставив Колаб Ханьюла отступить. Сом Нгуен и Ванна Йунг присоединились к отступающему Хван Самнангу.

Хван Самнанг глухо застонал и толкнул выживших бойцов в крипту.

Внутри тихо горела свеча, одна единственная на весь оставшийся мир. К остаткам стен жались женщины и дети, оруженосцы стояли, обнажив оружие, связанные клятвой, не в силах покинуть крипту, чтобы помочь своим товарищам.

– Нужно бежать... – Сказанная маленькой рыжей женщиной, как приторно сладкий запах розы эта идея пошла по головам. Страх маскировал тот немаловажный факт, что бежать из закрытой со всех сторон крипты не представлялось возможным.

– Что делать, рыцарь? – голос сержанта Тханг Висны, капитана оруженосцев, едва подрагивал от ужаса. Он вышел из темноты с оружием наголо. Его узкие и абсолютно черные глаза с соколиной внимательностью оглядывали каждый миллиметр пространства. Высокие скулы на вытянутом лице, подрагивали от напряжения. Разорванная и сползшая на спину нонбайтхан обнаружила взъерошенную черную копну волос, отдельными прядями ниспадавшую до его вечно поджатых в раздражении губ.

Как раз в этот момент рыцари-каннибалы с голодным хрипом пытались пробиться в крипту. Было слышно, что за толстыми дверьми толпятся несметные их когорты. Наверху так же слышались звуки резни, видимо цитадель была взята еще раньше.

– Что делать... – Хван Самнанг утянутый водоворотом отчаяния вторил скорбному хору людей, которые вот-вот, буквально через несколько минут будут съедены.

С решительной обреченностью ринулся Хван Самнанг в битву и проиграл. Храбрость и готовность к самопожертвованию покинули его, и остался только страх разъедавший стены священной обители не хуже слов Тумёган Годжона.

Тяжело осознавать себя бессильным. Сосуществование становилось невозможным, формы, обретаемые от сопряжения хабчана с нынешней действительностью, не представляли

собой ничего, что могло бы вселить надежду. Кровь, мясо, клыки. Кровь, мясо, клыки. Небо становилось красным, стены красными, и люди становились красным. Массовый приступ ритуальной эритропсии, поражающий бесконечной глубиной красного цвета. В голове звучал заунывно рог и вторил сам себе чудовищным эхом. Этот звук словно медленно перемешивал густую красную гуашь в красной банке, в красной комнате, с неровным светом красных факелов скрытых за выкрашенным в красный цвет стеклом.

Жизнь в версумане это не просто серия взглядов в черные окна, не просто беззвучный стук в пустоту с надеждой раскрытия разумом хоть строчки что даст твоей жизни Идею.

Хван Самнанг верный рыцарь Митры терял идею Сосуществования. Процесс проходил больно для него. Хор превратился в крики, нестройный смех и гортанные вопли. Он стоял с опущенным мечом, пока ворвавшиеся в крипту рыцари-каннибалы вонзали свои мечи в тела людей. Их не волновали женщины, и плевать им было на смерти товарищей. Они пришли есть. Простота их идеи была настолько умирительна, сулила настолько больше Порядка, что самый верный рыцарь Митры дал слабину.

– Я не понял Митру. – Просто сказал Хван Самнанг и, опустившись на колени, принялся, есть чью-то руку. В лицо прыснуло чем-то красным, залил оранжевые глаза, что просвечивали даже сквозь кровь.

Снова красный. Хван Самнанг раздражался. Он ел и исполнялся ярости. Голода. Он чувствовал то, что раньше запрещалось чувствовать. Беспцельный гнев. Прежняя священная решимость, напыщенная храбрость и склонность к самопожертвованию будто бы исчезли.

Он стал максимально простым.

Не было пустого и неизвестного Хвана Самнанга. Не было рыцаря Митры. Был Митра. И Митра был не понят Хваном Самнангом. Теперь он, одетый в синие и белые траурные одежды, в шляпе нонбайтхан разбитой и лишенной сакральных плачей, стоял на коленях и ел человека.

Сержант Тханг Висна справился со своим страхом, и совершил величайшее кощунство, разбив стены крипты и открыв взору присутствующих черный и чистый версуман из букв, но без Идеи. Вряд-ли бы он успел сделать хоть что-то для Хвана Самнанга, который уже вошёл во вкус, доедая найденную плоть.

– Пусть хор подскажет, что тебе читать, рыцарь. – разочарованный в друге, Тханг Висна сказал краткий плач-мольбу за благополучие бывшего рыцаря Митры, и бежал вслед за жрецом, читавшим путь в неизвестность. В эту же секунду ненасытные орды ворвались в крипту, хватая тех, кто не успел или не смог убежать, не тронув лишь пирующего Хвана Самнанга.

В тот день из храма Митры спаслось от силы три сотни человек. Сосуществование было отвергнуто. А Митра остался лишь в цветах, проросших сквозь трупы. Сады были разорены, дома сожжены, люди убиты и съедены. Храм остался, изуродованный тумёган годжоном, Голод стал господствующей Идеей, и все, что было там – ело. Ел и Хван Самнанг, проливая слёзы. Доспех его стал не то медного, не то ржавого цвета от крови, что впиталась в него. Сама суть годжона превратила защиту его в Икону Голода. А меч направляемый Митрой – рассыпался в прах, не в силах обратиться вслед за хозяином.

Когда пир был закончен, рыцари-каннибалы молчаливо двинулись обратно к своим кораблям. Они брели, едва перебирая ногами, и многие умирали, прямо по дороге от полученных ран или разрыва желудка. Многие из них переели человечины.

Хван Самнанг шёл за ними, Потерянный и размышляющий. Сосуществование было отвергнуто. Но что же тогда сейчас происходит? Почему он бредет среди одиноких каннибалов, не тронутый. Тумёган годжон будто бы принял его, и Хван Самнанг думал им и мыслил. Заставило ли отчаяние или безысходность принять новые понятия? Или это был страх? Или что-то другое? Какое-то понимание?

Шепчущий Флот каннибалов стоял в спокойном версумане, омываемый безмятежным пространством символов. С поднятыми омнипарусами он ожидал отбытия, ведомый рыцарями-с-защитыми-ртом.

Сотни кораблей похожих на гордо поднявшего грудь сома, стояли, раскинув свои изящные, похожие на крылья скатов омнипаруса, на фоне символов и слов хабчана что были уже неотличимо смешаны с годжоном образуя искаженную реальность с окровавленной землей проросшей кровавыми же цветами.

Никем не остановленный, Хван Самнанг медленно взошёл на борт флагманской каракки и услышал шум генератора приводившего в действие омнипарус. Под парусом разместился рыцарь-с-защитым-ртом и широко раскрыл глаза. Омнипарус утробно заревел на годжоне, и ему стали вторить голоса других парусов. Шепчущий Флот полный сытых каннибалов тяжело сдвинулся с места, поглощая слова куда-то вдаль, унося с собой мечущегося душой рыцаря Митры.

Хван Самнанг слушал чужие голоса, и силился Понять. Он с удивлением обнаружил, что все эти годы, когда Хабчан сплетался с реальностью, греховными мыслями, окончательно вырождая их, он не наблюдал в этом Понимания. Бывший рыцарь митры раз за разом вспоминал все, что с ним происходило ранее, и обнаруживал что хабчан проростал цветами сквозь понятия и символы, сквозь слова, но сам Хван Самнанг никогда не понимал, что за чудные или жуткие мысли пронзаются стрелами его понятий, теряя свою Суть. Он сидел на палубе в окружении сотен каннибалов и только сейчас его разум породил желание разглядеть их. Они были облачены в доспехи из толстой коричневой кожи, покрытой каким-то маслом. Доспехи были сплошь проклёпаны медными заклёпками, а лица скрыты причудливыми масками из кости и медных украшений. Вокруг голов их были обернуты длинные шелковые ткани, свободные концы которых спадали на плечи и ниже.

Вооружены они были удивительной красоты мечами с кривым клинком, на вогнутой стороне которого были зубья как у пилы. Рукояти были, словно продолжением клинка и частично повторяли его линии. По своей сути это были скорее длинные сабли с короткой пилой по вогнутой стороне, ближе к середине клинка.

Сейчас, сидя прямо на металлических плитах верхней палубы, они тщательно осматривали свое снаряжение, нежно правили клинки, и натирали маслом свои доспехи. Хван Самнанг ощутил аромат этого масла, он был странным, но по-своему приятным, словно запах хвои смешивался со вкусом зеленого чая.

Хван Самнанг обратил внимание на сидящего рядом с ним рыцаря-каннибала. Тот уже закончил свои приготовления. Бывший рыцарь митры показал на баночку масла у того на поясе и сказал это слово на хабчане.

Каннибалы рядом заёрзали и принялись к воздуху. Тогда сосед Самнанга снял баночку с пояса и сказал что-то на годжоне. Самнанг повторил. Сидящие рядом каннибалы успокоились и вернулись к своим делам.

Каннибал передал баночку, и Самнанг, с трудом осознавая, что именно он делает, осторожно нанёс масло на свои доспехи. Что-то странное было в этом ритуале. Складывалось чувство, что он проявляет о себе отцовскую заботу. Запахло домом, и смутно вспомнилась погибшая в прошлом семья. По лицу рыцаря второй раз за день потекли слёзы. Он даже не заметил, как их жадно подобрал языком тот каннибал, что поделился маслом. Хван Самнанг ощутил неповторимый запах Жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.